

DOI10.25991/VRHGA.2021.21.4.009

УДК 1(091)

*А. Н. Муравьев**

КРИТИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ СИСТЕМЫ ГЕГЕЛЯ В РАБОТАХ ИЛЬЕНКОВА 1950-х ГОДОВ**

Статья посвящена исследованию отношения Э. В. Ильенкова к Г. В. Ф. Гегелю в недавно опубликованных работах из его архива. Автор подробно рассматривает, как выдающийся российский мыслитель осваивал в 1950-е гг. гегелевское учение, без которого история философии неполна и не может быть понята как целое. В статье показывается, что критическое отношение Ильенкова к системе Гегеля было в некоторой степени предвзятым. Оставаясь марксистом, Ильенков не мог себе позволить не согласиться в своих оценках с Марксом, Энгельсом и Лениным. Вместе с тем, по мере углубления в содержание этой системы, неадекватность ее критических оценок Ильенковым слабела, а оригинальность его как мыслителя росла. В заключительной части статьи формулируется урок, который следует извлечь из изменения отношения к Гегелю в ранних работах Ильенкова ради обретения иммунитета к предрассудкам и недоразумениям об учении великого немецкого идеалиста.

Ключевые слова: Гегель, Ильенков, логический метод, марксизм, история философии, философия природы и духа.

A. N. Muravev

CRITICAL ASSESSMENTS OF THE HEGEL SYSTEM IN THE WORKS OF ILYENKOV IN THE 1950s

The article is devoted to the study of E. W. Ilyenkov's attitude to G. W. F. Hegel in recently published works from his archive. Its author examines in detail how this outstanding Russian thinker mastered the Hegelian teaching in the 1950s, without which the history of philosophy is not complete and cannot be understood as a whole. The article shows that Ilyenkov's critical

* Муравьев Андрей Николаевич, доктор философских наук, профессор кафедры истории философии, Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета; muravyovan@yandex.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00506 «Гегель: pro et contra. История и современность российских и зарубежных рефлексий и интерпретаций».

attitude to the Hegel system was somewhat biased. As a marxist, Ilyenkov could not afford to disagree with Marx, Engels, and Lenin in his assessments. However, as the content of this system became more and more deeply understood, the inadequacy of Ilyenkov's critical assessments weakened, and his originality as a thinker grew. In the final part of the article, a lesson is formulated that should be drawn from the change in attitudes to Hegel in the early works of Ilyenkov in order to gain immunity to prejudices and misunderstandings about the teachings of the great German idealist.

Keywords: Hegel, Ilyenkov, logical method, Marxism, history of philosophy, philosophy of nature and spirit.

Двести пятьдесят лет, прошедшие со дня рождения Георга Вильгельма Фридриха Гегеля, дают хороший повод обратить внимание на причину неутоляющего интереса к нему как создателю уникальной философской системы, в которой на основе вполне разумного логического метода, сознательно разрешающего противоречия, ставящие в тупик даже здравый рассудок, обрело единую теоретическую форму содержание всех научных знаний, известных в первой трети XIX в. Независимо от того, сознают это или нет, субъективный интерес к этому великому мыслителю обусловлен его объективным положением в истории философии. Гегель занимает в ней такое место, что без него история философии неполна и не может быть понята как целое, т. е. как в принципе завершённый процесс исторического развития классической философской мысли. Сделав первые шаги в учениях Фалеса и Парменида, она более двадцати пяти веков шла и, наконец, по необходимости пришла к логическому методу гегелевской системы наук. Вот почему только по окончании истории философии начинается современная философия, причем не столько по времени, сколько по существу. Существенная связь современной философской мысли с классической делает актуальность системы Гегеля непреходящей для постгегелевской философии как таковой (независимо от того, когда она появилась или появится — в XIX, XX или XXI в. и т. д.), ибо если современная философия не будет развивать философию далее, не продолжит ее по сути логическое дело, успешно начатое им, то она окажется для мировой культуры лишь случайным явлением — курьезом, раньше или позже подлежащим забвению.

В силу необходимости указанной связи отношение любого современного философа к истории философии в целом, включающем гегелевскую систему, говорит, прежде всего, не о ней, а о нем, так как это отношение напрямую определяет истинный масштаб любого современного мыслителя. Можно даже сформулировать правило, что чем серьезнее и внимательнее относится современный мыслитель к историческому развитию философии, тем он крупнее. В первом томе собрания сочинений Эвальда Васильевича Ильенкова, издаваемого Институтом философии РАН, он был назван «классиком отечественной философии» [8, с. 7]. Столь высокую номинацию Ильенков заслужил тем, что стал мыслящей единицей весьма заметной величины, влиятельной на родине (из испытанных его благотворное влияние назовем только А. С. Арсеньева, Г. С. Батищева, В. С. Библера, В. В. Давыдова, В. П. Зинченко, Ф. Т. Михайлова, В. М. Межуева, Л. К. Науменко, М. К. Петрова, В. И. Толстых и Г. П. Щедровицкого, хотя этот список незаурядных авторов можно продолжить) и известной за ее рубежами. Мыслителем такого масштаба Ильенков стал прежде всего

потому, что в своем научном творчестве опирался на классику мировой философии от Платона до Гегеля включительно. Поэтому без рассмотрения того, как он осваивал гегелевское наследие, а вместе с ним — все историческое развитие философии, нельзя понять идейные предпосылки его вклада в философскую культуру, вес которого лишь увеличивается, особенно благодаря появлению когнитивных наук, чьи реальные проблемы во многом совпадают с тематикой, методически разрабатывавшейся Ильенковым в 60-е и 70-е гг. прошлого века.

По теме «Ильенков и Гегель» уже прошла представительная научная конференция [1], но после нее стараниями Е. Э. Иллеш и А. Д. Майданского большей частью впервые были опубликованы работы Э. В. Ильенкова 1950-х гг. Обращение к данным в них оценкам гегелевской системы поучительно в том отношении, что эти по необходимости критические оценки (поскольку ко всем без исключения учениям необходимо подходить критически) оставались к тому же в немалой степени предвзятыми. Искренние марксистские убеждения Ильенкова не позволяли ему критиковать марксизм и ставить под вопрос справедливость отношения к Гегелю со стороны Маркса, Энгельса и Ленина. Он, конечно, не был закоренелым догматиком, слепо верящим в выдвинутые ими положения, отчего по мере его углубления в логическую суть философского дела предубежденность его критических оценок гегелевской системы слабела. Рост их самостоятельности и, стало быть, оригинальности Ильенкова как мыслителя начался как раз в первый период его научной карьеры, пришедшийся на 50-е гг., отчего эти оценки приходится рассматривать в хронологическом порядке и, сталкиваясь с их, пусть убывающей, предвзятостью, раскрывать, в чем она заключается. Целью настоящей статьи является отнюдь не критика критики Гегеля Ильенковым, а извлечение урока на будущее из того, как в недалеком прошлом выдающийся мыслитель осваивал систему Гегеля — тем более что ее ильенковские оценки по настоящее время продолжают влиять на сознание некоторой части нашего философского сообщества, которое еще не обрело иммунитета к распространенным не только у нас предрассудкам и недоразумениям относительно учения классика немецкого идеализма.

С первых научных работ Ильенкова мы встречаемся у него с самым серьезным и внимательным отношением к истокам диалектического материализма в учениях классиков мировой философии, причем фамилия Гегеля встречается в этих ильенковских трудах не намного реже фамилии его родоначальника — Маркса. Не удивительно, что такое отношение к истории философии присуще мыслителю, который считал ее колыбелью разумного мышления и вслед за В. И. Лениным отождествлял логику с диалектикой и теорией познания мышлением субъекта объективной истины бытия. Серьезнейшим вниманием к истории философии Ильенков был обязан прежде всего авторитету Фридриха Энгельса. В своих поздних трудах Энгельс постоянно подчеркивал идейную связь марксизма с классической немецкой философией и через нее — со всем историческим развитием философской мысли, инициированной древними греками, а в брошюре о Людвиге Фейербахе, посвященной исходу классической немецкой философии в диалектический материализм, сформулировал основной вопрос (другими словами, единый предмет) всей философии как вопрос об отношении мышления и бытия. Указанная Энгельсом преемствен-

ность воспринималась Эвальдом Ильенковым в духе Карла Маркса, который настаивал на прямой противоположности своего диалектического метода идеалистическому методу Гегеля. Поэтому, как и Ленин, Ильенков стремился *читать* Гегеля *материалистически*, видя в материалистическом прочтении его трудов способ снятия (т. е. сохранения путем дальнейшего развития) истинного содержания идеалистической формы гегелевской философии. Эта марксистско-ленинская установка, вызванная представлением об истории философии как арене борьбы материализма и идеализма, увенчавшейся победой диалектического материализма, в связи с чем философия за исключением логики утратила самостоятельное существование и начала превращаться в необходимый элемент положительно-научного познания природы и общества по законам сознательной диалектики, открытой Гегелем и очищенной от гегелевского идеализма Марксом, стала для Ильенкова исходной и основной. Такая установка заключала в себе весьма плодотворное для него противоречие, ибо сочетала признание неотделимости достоинств гегелевской системы от ее недостатков со стремлением проникнуть в ее достоинства, питавшие диалектический материализм. Оно не давало Ильенкову превратиться ни в гегельянца, ни в ортодоксального марксиста, побуждая его к изменению своего критического отношения к Гегелю, которое в рассматриваемый период отчетливо выражает две различные, хотя и близкие друг другу позиции.

В первой половине 50-х гг. Ильенков критиковал гегелевскую систему, можно сказать, по-фейербаховски, т. е. с точки зрения опыта, или чувственно-рассудочного сознания, покоящегося на абстрактной противоположности мышления и бытия, принимаемой таким сознанием за непреодолимую противоположность. С этой точки зрения гегелевская система оценивалась им как гносеология кантовского образца, т. к. именно Кант в своей «Критике чистого разума» дуалистически противопоставил априорные формы мышления апостериорному содержанию знания, происходящему из внешнего мышлению реального бытия. Несмотря на то, что сам Гегель уже к 1801 г. окончательно расстался с кантианством, первоначально ему свойственным, Ильенков полагал в эти годы, что

вся гегелевская концепция развития мышления покоится на той идеалистической идее, что в чувственно-данном предмете собственной, внутренней, ему самому принадлежащей необходимости найти нельзя, что мышление способно получить «всеобщее и необходимое знание» лишь в том случае, если будет руководствоваться имманентно-логической необходимостью при развитии «логического понимания» предмета [5, с. 228].

Кроме того, Ильенков чистосердечно уличал Гегеля в «софистическом игнорировании факта» существования и развития предмета науки «вне, до и совершенно независимо от мышления, от того, является ли он предметом познания, предметом науки» [5, с. 227], поскольку с точки зрения опыта предмет науки ничем не отличается от предмета, еще не ставшего предметом научного познания. К этому обвинению Ильенков добавлял, «что в гносеологии Гегеля реальный ход истории софистически отождествляется с ходом логического осознания людьми этого процесса» [5, с. 237] и философски оправдываются

другие, «прямо ложные ходы мысли» [5, с. 227] — например, тот, что первая в «Науке логики» категория «Бытие-Ничто» у него «устанавливается как абсолютной первой, ничем не опосредованная категория, не нуждающаяся ни в каких предпосылках, ничего не предполагающая» [4, с. 217]. Единственное обстоятельство, могущее хотя бы отчасти объяснить (но, разумеется, нисколько не оправдать) все эти наветы на Гегеля, состоит в том, что служащая введением в его систему «Феноменология духа», где Гегель раскрывает всеобщий закон истории духовной культуры как необходимую предпосылку логического метода познания понятия как такового, который начинается с категории чистого бытия, тождественного ничто, еще не была, судя по содержанию его работ тех пяти лет, по-настоящему освоена Ильенковым.

Отрицательные оценки системы Гегеля выдвигались им тогда на первый план, а положительные сводились к признанию того, что о законах и формах познания Гегель достиг «самого полного, последовательного и законченного способа понимания вопроса, развитого из идеалистической основы» [5, с. 226]. Противоречиво относясь к предмету критики, Ильенков оправдывал иллюзии, которые действительно имелись у Гегеля или по марксистской традиции приписывались ему, историческими условиями создания гегелевской идеалистической системы. Одной из действительных иллюзий Гегеля была та, которая оставляла в его системе философию наукой наук, отчего наряду с наукой логики он не мог не включить в свою «Энциклопедию философских наук», где эта система была изложена в ее основных чертах, философию природы и духа. Из-за господства в положительных науках о природе и духе рассудочно-метафизического мышления Гегель был еще вынужден восполнять их недостатки своими философскими науками, в которых он разумно-логически постигал эти предметы. Признание в «Тезисах к вопросу о взаимосвязи философии и знаний о природе и обществе в процессе их исторического развития», написанных вместе с В. И. Коровиковым, исторической, т. е. преходящей, необходимости такого дублирования привело Э. В. Ильенкова вслед за Ф. Энгельсом к выводу о необходимости усвоения учеными, изучающими природу и историю, «полностью всех высших результатов, добытых двухтысячелетним развитием философии» [6, с. 362]. Этот вывод поднимает мысль Ильенкова на позицию рефлексии опыта, переход на которую исподволь меняет его трактовку философии. В тех же тезисах можно найти мощные ростки этой перемены, несущей в себе истинную тенденцию мысли Ильенкова. «Диалектика, — утверждает в них, — не является *монополией философии*, она присутствует в любом научном познании. Именно потому, что законы диалектики всеобщы, их изучает (вскрывает) любая наука в любом своем объекте, и тем самым вскрывается истина объекта. В своей чистоте и абстрактности законы диалектики могут быть исследованы и вычленены лишь философией, как логические законы, как законы диалектического мышления» [6, с. 363].

Но почему лишь философия в состоянии вычленить логические законы как таковые? Только потому, что лишь она познает отношение мышления и бытия, составляющее опыт как таковой. Философия перестает быть для Ильенкова обобщением эмпирического материала, не выходящим за пределы содержания опыта, и становится рефлексией опыта, т. е. познанием его основания,

отношения мышления и бытия. Поскольку предметом философии выступает познание мышлением реального бытия (процесс, где субъективные определения мышления являются аналогиями объективных определений этого бытия), постольку логика тех и других определений, выясняемая философией, одна, из чего следует, что философия есть логическая наука сознательного мышления и познания отношения мышления и бытия — того отношения, которое бессознательно, т. е. стихийно, осуществляется в опыте. Поэтому авторы тезисов справедливо заключают, что

значение философии для науки о природе и обществе состоит в том, что она стихийность познания заменяет осмыслением, наиболее совершенным методом подхода к объекту исследования, учит обоснованно, всесторонне пользоваться мышлением, вооружает научное познание самосознанием. <...> В этом смысл и необходимость ее существования в системе наук [6, с. 363].

Точка зрения рефлексии опыта, в историческом развитии философии представленная учениями Канта, Фихте и Шеллинга, несет в себе тенденцию к логическому снятию стихийности опыта, которое первым предпринял Гегель, подведя своей системой итог неудачным попыткам этих своих ближайших предшественников сделать философию систематической наукой. То, что Ильенков достиг точки зрения рефлексии опыта и тем самым причастился этой тенденции, сообщило его критике гегелевской системы во второй половине 50-х гг. более правильные акценты. Сделав решающий шаг на пути к пониманию философии как опирающейся на высшие результаты всего своего исторического развития логической науки вполне разумного познания истины как таковой (т. е. шаг к пониманию ее как логического метода, освоение которого позволит ученым научиться всесторонне познавать предметы своих наук), Ильенков обращает внимание прежде всего на логические достижения Гегеля, по сравнению с которыми идеалистические недостатки его системы не только отходят на второй план, но и начинают оцениваться им положительно. К примеру, «идеалистическое переворачивание» Гегелем представления о соответствии понятия реальности в соответствие реальности понятию он характеризует теперь как заключающее в себе «глубокое рациональное зерно» [7, с. 289] гегелевской мысли. Более пронизательный взгляд на Гегеля делает Ильенкова отважным защитником гегелевского взгляда на истину как на конкретное тождество мышления и бытия, обеспечивающее соответствие реальности понятию. Поэтому он решительно возражает против имеющего «лишь субъективное значение — практическое значение» абстрактного тождества рассудочного мышления себе самому, которое заведомо обедняет чувственно данную реальность единичных вещей, кажущуюся «конкретностью» только с эмпирической «точки зрения Локка-Гельвеция» [7, с. 288–289]. Приведя слова Плеханова «абстрактной истины нет, истина всегда конкретна» [2, с. 288], Ильенков ставит «вопрос о том, что такое абстракция с логической точки зрения <...> в план соотношения абстрактности с истиной» [7, с. 290]. Поскольку же все категории диалектической логики должны быть включены в ее систему, постольку он называет абстракцию, категориально соотношенную с истиной, «всеобщей (конкретной) абстракцией» [7, с. 292] и доказывает

участникам своего семинара по диалектике в «Капитале» Маркса, что в парадоксальном признании конкретности абстракций, выражающих всеобщую необходимость каждого из особенных предметов, сознательно познаваемых теоретическим мышлением, направляемым логическим методом, Маркс совершенно согласен с Гегелем.

Этот углубленный взгляд Ильенкова на Гегеля развернут в его рецензии на новый перевод гегелевской «Философии духа». Он верно рассматривает здесь философию духа Гегеля вместе с его философией природы, но по марксистской традиции видит идеализм Гегеля в «абсолютизации относительной самостоятельности духовного развития человека» [2, с. 310]. Вместе с тем Ильенков признает, что благодаря «односторонне-идеалистическому подчеркиванию» активности субъекта в гегелевской системе нашли свою детальную разработку такие категории, как «субъект», «сознание», «самосознание», такие проблемы, как отношение деятельности человека во всех ее формах к ее собственному продукту, результату, как отношение необходимости и свободы в человеческой жизнедеятельности, роль труда в процессе духовного образования личности и человечества [2, с. 310].

Действительный же гегелевский идеализм, состоящий в том, что саморазвитие абсолютной идеи, научно познанное в логике, выступает единым основанием развития природы и духа, Ильенков тоже положительно квалифицирует как постановку «древнего философского вопроса об отношении духа к материи на почву истории» [2, с. 311]. Из такой его интерпретации идеализма Гегеля видно, насколько догегелевская точка зрения рефлексии опыта годится для критической оценки гегелевской системы, а насколько она еще не дотягивает до логической точки зрения самого Гегеля, неся в себе лишь тенденцию к ней. Поэтому Ильенкову кажется, что Гегель определяет природу и дух «как две полярно противостоящие друг другу формы существования этой заранее предположенной идеальной сущности мироздания» [2, с. 312]. Однако поскольку природа и дух, как правильно утверждает Ильенков, есть у Гегеля формы существования логической идеи, постольку она никак не может быть у него их заранее предположенной сущностью, ибо, по Гегелю, сущность не может не существовать, не являться как сущность, идея — не манифестировать себя, отчего она реально есть лишь в этих формах своего бытия и существования. До них она не есть, а только логически саморазвивается, или становится собой, абсолютной идеей как таковой, но в тот момент, как она полностью развернулась из своего чистого бытия, тождественного ничто, т. е. сама дала себе бытие как абсолютная идея, она сразу выступила как вне себя бытие — как природа, в определениях пространства и времени, сразу же начав возвращаться в себя из своего природного инобытия как дух, чтобы в логике соединиться с собой, замкнув тем самым круг системы. Будучи вслед за Марксом и Энгельсом предубежден против идеализма гегелевской системы, Ильенков в этом утверждении произвольно игнорирует ее круг, ибо из заключительной части рецензии видно, что этот круг ему известен. В нем абсолютная идея выступает не только началом природы и духа, но и результатом их развития, когда в ходе истории философии логическая стихия мышления становится итогом познания абсолютного духа. Абсолютная идея потому и названа Гегелем абсо-

лютной, что она выступает процессом саморазвития, т. к. лишь у этого чисто логического процесса начало абсолютно совпадает с концом. Этим абсолютный процесс *саморазвития* отличается от относительных, т. е. находящихся в неразрывном отношении друг к другу, процессов *развития* природы и духа, имеющих единый (всеобщий) идейный источник, а потому являющихся различными (особенными) формами существования абсолютной идеи. В природе абсолютная идея есть лишь в себе, или, что то же самое, вне себя, т. к. еще не стала быть для себя в духе, отчего только в логике она, лишь обретая бытие, выступает, как точно пишет Гегель в § 18 «Энциклопедии философских наук», *в себе и для себя*. Если учесть эту замкнутую форму содержания учения Гегеля, то его система не останется для читателя «темной конструкцией», как называет ее Ильенков, «тайну» [2, с. 312–313] которой, продолжив начинания Фейербаха, окончательно демистифицировал, по его убеждению, только Маркс. Для того, кто преодолет предубежденное отношение к системе Гегеля (в которое, разумеется, лучше не впадать), она перестанет казаться темной искусственной конструкцией, искажающей истину. Гегелевская система есть вообще не конструкция и не *логическая схема*, как неоднократно называет ее Ильенков, а именно система — кстати сказать, единственная настоящая система в истории философии, венчающая историческое развитие философии логическим методом.

Безоговорочно принимая в своей рецензии объяснение Марксом гегелевского идеализма стихийным разделением труда в классовом обществе, где духовный труд стоит выше труда физического, Ильенков грубо обвиняет Гегеля, якобы желавшего увековечить привилегированное положение и монополию «касты специалистов», в «профессиональном кретинизме» логика, который представляет дело логики «самым высоким и значительным делом в мироздании» [2, с. 314–315]. Заключает рецензию оценка логики Гегеля как духовного результата и логического начала всей его замкнутой в круг системы — причем сугубо отрицательная оценка, уже не имеющая положительной стороны. Ею утверждается необходимость «радикального критического преобразования» гегелевского логического метода «на основе материализма», т. к. именно логику Гегеля Ильенков считает источником его панлогизма и его «чисто обывательского» примирения «с самой неразумной эмпирической действительностью» [2, с. 330–331]. Почти буквально повторив вслед за Марксом и Энгельсом ложное обвинение Гегеля в «филистерском оправдании» существующих обстоятельств, а в их числе — «жалкого прусского сословно-монархического государства» [2, с. 331], Э. В. Ильенков допускает ту же ошибку, что и В. Г. Белинский, который воспринял гегелевский афоризм о тождестве разумного и действительного как призыв к примирению с реальными недостатками российской империи. Скорее всего, Белинский просто не знал, что Гегель, поясняя этот афоризм в примечании к § 6 «Энциклопедии философских наук», специально подчеркнул логическое различие между действительностью и наличным бытием, а также существованием, не дающее никому права отождествлять вполне необходимую действительность разумного, достойную философского примирения, поскольку она отвечает всеобщим определениям абсолютной истины, с лишь в малой части действительной эм-

пирической случайностью преходящих предметов, учреждений и состояний, которая имеет только относительную важность для определенного времени и особых кругов. Ильенков знает это различие, но настаивает на том, что «это устранение от активной, преобразующей мир, деятельности <...> есть не что иное, как самое тяжкое последствие идеализма гегелевской концепции» [2, с. 330]. Присоединяясь же к обвинениям Гегеля в панлогизме, Ильенков перекладывает эту вину, как говорится, с большой головы на здоровую, ибо не Гегель (который в своей системе никак не мог переносить логический закон саморазвития абсолютной идеи, познаваемый наукой логики, на природу и дух, ибо в них действуют законы развития, познаваемые другими философскими науками), а диалектический материализм в его догматическом изводе представлял законы диалектической логики универсальными, т. е. одинаково действующими во всех без исключения областях Вселенной.

В своей первой монографии «Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении» (которая была написана в 1956 г., но, по сути, завершила первый период научной работы Ильенкова, т. к. по требованиям издательства он неоднократно перерабатывал ее текст до самого конца 50-х гг., сделав из него другую монографию, под иным названием опубликованную в 1960 г.) он подвергает специальному анализу содержание гегелевской «Феноменологии духа» и сразу дезавуирует свое ложное обвинение Гегеля в профессиональном кретинизме логика, абсолютизирующего отрыв своей науки от ненаучного сознания.

Гегель с самого начала <...> подходит к исследованию мышления как к исследованию особой формы духовной деятельности общественно-исторического субъекта, старается постигнуть его как исторически развивающуюся общественную реальность. <...> С этим тесно связано то обстоятельство, что мышление перестает казаться таинственно-эзотерическим занятием избранных, творческой силой гения, каким его представил Шеллинг, открыв тем самым традицию иррационализма в новейшей философии, — признает он. — Наука, научное мышление, в системе Гегеля выступает как высшая ступень развития «обыденного» мышления и не случайно Гегель ищет ключи к важнейшим логическим проблемам в анализе обычных умственных операций, производимых всяким и каждым ежедневно и ежечасно [3, с. 45–46].

Заметим также, что противоречивые оценки Ильенковым положений этой гегелевской работы сами собой складываются здесь в признание адекватности постижения Гегелем реальной противоречивости феноменологического развития человеческого духа, происходящего на основе отношения сознания и предмета. Так в названной монографии начинает пробивать себе дорогу истинная тенденция мысли Ильенкова к логическому снятию опыта — причем как раз потому, что в «Феноменологии духа» Гегель впервые осуществляет это снятие, поднимаясь вместе с духом по ступеням опыта от чувственного сознания к абсолютному знанию, где противоположность сознания и предмета, лежащая в основе опыта, преодолевается. В связи с этим Ильенков осознает «огромное значение для проблемы абстрактного и конкретного познания» [3, с. 65] различия между рассудком и разумом, установленного классиками

немецкой философии. Ильенков констатирует, что, в отличие от рассудочных операций, на которые способны и высшие животные, разум, или

мышление как таковое, как специфически человеческая способность всегда предполагает «самосознание», т. е. способность теоретически, как к чему-то «объективному», относиться к самому процессу познания. <...> Без этого нет и не может быть мысли, мышления как такового. Гегель поэтому не так уж неправ, когда говорит, что сущность мышления заключается в том, что человек мыслит о самом мышлении. Неправ он, когда говорит, что в мышлении человек мыслит только о мышлении. Но он не может мыслить о предмете вне его, не мысля одновременно о самом мышлении, о категориях, с помощью которых он мыслит вещи [3, с. 67].

Однако философский взгляд на разум, требующий как своей предпосылки логического снятия опыта, Ильенков приписывает здесь сознанию, которое рефлектирует об опыте в процессе эмпирического познания вещей. В этой несообразности сказывается точка зрения рефлексии опыта, на которой закрепился Ильенков, хотя и с этой позиции, поскольку она несет в себе тенденцию к логическому снятию опыта вообще, ему ясно, что из классиков немецкой философии только Гегелю удалось окончательно различить понятие от представления: «Впервые четко, и притом с точки зрения Логики (чего не мог сделать никто до него), установил различие между понятием и общим представлением, выраженным в слове, диалектик Гегель» [3, с. 90].

Ильенков удерживает позицию рефлексии опыта потому, что на ней, в отличие от Гегеля, стоит Маркс, у которого он заимствует материалистический метод оценки гегелевской мысли, унаследованный Марксом, в свою очередь, от Фейербаха. При этом, отправляясь именно от Маркса, Ильенков продвигается к реабилитации идеалистической диалектики Гегеля. Гегелевский идеализм Ильенков объясняет с этой точки зрения реальным «фактом диалектического оборачивания “причины” — в “следствие”, связанным со спиралевидным характером всякого действительного развития взаимообуславливающих друг друга явлений» [3, с. 180]. Идеалистическое толкование Гегелем «вопроса об отношении мышления к бытию» он, как и в рецензии на гегелевскую «Философию духа», выводит из абсолютизации «факта относительной самостоятельности мышления — логического развития человека» [3, с. 180], но саму его абсолютизацию Ильенков здесь оценивает гораздо положительнее, чем там:

Эта абсолютизация — как и всё у Гегеля — не пустая беспочвенная выдумка, а абстрактно, односторонне выраженная вполне реальная особенность любого относительно самостоятельного процесса развития, любого диалектически развивающегося процесса и его продукта — исторически сложившейся системы взаимодействия» [3, с. 180–181].

В связи с этим важно заметить, что дальше категории взаимодействия Ильенков в своем понимании отношения мышления и бытия в 50-е гг. не идет. Рефлексия опыта, оставляющая опыт неснятым процессом взаимодействия мышления и бытия, для которого подыскивается и находится то или иное основание, заставляет Ильенкова вычитать из реальных процессов развития

природы и духа всеобщее, трактуемое им как хотя и конкретная, но все же абстракция, создаваемая познающим эти процессы субъектом. Всеобщее как таковое, понятое Гегелем как конкретное тождество всеобщего, особенного и единичного в понятии абсолютной идеи, Ильенков по примеру Маркса, Энгельса и Ленина отрицает, признавая лишь конкретность *абстракции* всеобщего, оставляющей вне себя эмпирическую единичность реального бытия вещей и явлений, особенные законы которых мышление открывает в положительных науках. Поэтому он заявляет, что в идеалистическом ответе Гегеля на основной вопрос философии «скрыто и мистифицированно выражено» лишь

то реальное обстоятельство, что более развитое мышление вбирает в себя и перерабатывает в форму понятия гораздо больше созерцаемых фактов, чем мышление, еще не успевшее развиться, еще не выработавшее сложнейшей системы логических форм, форм своей собственной деятельности [3, с. 181].

С позиции рефлексии опыта любая логическая система кажется Ильенкову только «системой ранее накопленного знания» [3, с. 182]. Отвергая, как убежденный марксист-ленинец, «тезис Гегеля об абсолютной самостоятельности логического процесса, системы логических категорий» [3, с. 182], а вместе с ним — всеобщее содержание гегелевской науки логики, которым выступает саморазвитие абсолютной идеи, Ильенков сводит систему к лишь систематической форме особенного содержания, реально существующего вне этой формы. Поучительно, что в своей трактовке системы логических категорий как формальной системы, чье конечное содержание берется извне, Ильенков сам выступает как кантианец и дуалист.

Ильенков опирается на взятую у Маркса формулировку научного метода как способа восхождения мысли от абстрактного к конкретному и во второй части этой своей монографии приписывает Гегелю понимание конкретного только как результата, «продукта развития» [3, с. 194] и характеризует гегелевский логический метод как лишь субъективное движение мышления, возвышающегося от самых абстрактных определений своего объекта ко все более конкретным. Поэтому, решая задачу выявить, в чем состоит прямая противоположность идеалистической и материалистической диалектик, Эвальд Ильенков (как и Георг Лукач, чью монографию о молодом Гегеле он изучил и со своими товарищами рецензировал в 1956 г.) трактует идеализм и диалектику Гегеля спиритуалистически. Он заявляет, что

специфической особенностью гегелевской философии является то, что идея развития в полной мере применяется лишь к явлениям духа, к явлениям сознания. Природа, вне и независимо от духа существующая, по его мнению, не развивается. Она противостоит сознанию как от века и навек одинаковая, застывшая во времени картина [3, с. 194–195].

Природа, согласно Гегелю, действительно *не развивается сама по себе*, ибо она, как и дух, *развиваема* — от одной своей формы к другой определяемая являющим себя в ней и в духе процессом саморазвития абсолютной идеи. Однако это не значит, что она есть у него, как пишет Ильенков, «царство вещей, вечно стоящих в одних и тех же отношениях друг к другу» [3, с. 195]. Напротив, она

выступает у Гегеля процессом развития, ведущим по ее ступеням к появлению из природы духа как более развитой, чем природа, реальности абсолютной идеи.

Одно недоразумение, возникшее по причине предубежденного материалистического отрицания Ильенковым абсолютной идеи, тянет, как водится, за собою другое. Он объявляет дух у Гегеля «единственной “конкретностью”» [3, с. 203], лишь абстрактные «намеки» [3, с. 204] на которую смутно проступают в природе. Как и конкретность, саморазвитие, согласно Ильенкову, оказывается в гегелевской системе «исключительным, монопольным достоянием» [3, с. 208] духа, отчего только к духу оказывается «применимой» [3, с. 209] идеалистическая диалектика Гегеля. Не случайно самой высокой оценки Ильенкова заслужила «гениальная история философии» [3, с. 201] Гегеля, в которой им был раскрыт единый исторический процесс развития разумного способа мышления в различных философских учениях — но, по Ильенкову, только с «формальной стороны» [3, с. 202]. Содержание же духовного процесса развития Гегель тоже якобы мистифицировал, т. к. от абстрактной, неразвивающейся природы через конкретное развитие человеческого духа у него восходит «к самому себе дух *абсолютный, нечеловеческий, божественный*» [3, с. 209]. Это, конечно, как и формальность гегелевской историко-философской концепции, тоже неправда, поскольку абсолютный дух в гегелевской системе есть следующая за субъективным (индивидуальным) и объективным (коллективным) духом высшая фаза развития именно человеческого духа, который столь же индивидуальными, сколь и коллективными усилиями людей, превосходящими их конечность, создает искусство, религию откровения и — в результате исторического развития философии — логическую философскую науку.

Остается только сформулировать урок, который следует извлечь из критического отношения к гегелевской системе в ранних работах Ильенкова. Ради краткости его можно свести к трем пунктам. Во-первых, нельзя не признать, что существенное достоинство отношения Ильенкова к учению Гегеля состояло в рассмотрении им гегелевской системы как итога истории философии и в тесной связи с учениями других великих философов. Во-вторых, главный изъян его критики Гегеля в 1950-е гг. был вызван тем, что Ильенков опирался не исключительно на объективный процесс исторического развития философии, как следует делать во избежание предвзятой и субъективной трактовки любого философского учения. Он исходил также из оценок гегелевского идеализма Марксом, Энгельсом и Лениным — оценок, зависимых, хотя и в разной мере, от критики Гегеля Фейербахом, а потому тоже страдавших предвзятостью и субъективностью. В-третьих, поскольку существенное достоинство его критического отношения к Гегелю все же перекрывало указанный недостаток, постольку он не помешал Ильенкову шаг за шагом продвигаться в освоении логического метода вполне разумного мышления и познания истины, открытого этим немецким идеалистом.

Только благодаря этому продвижению Ильенков творчески решал сложные теоретические проблемы отношения абстрактного и конкретного, исторического и логического, реального и идеального, а также не менее сложные практически-педагогические проблемы воспитания и образования, в том числе — его слепоглухонемых подопечных. Диалектическая (т. е. *отрицательно-разумная*,

по определению, данному в § 79 гегелевской «Энциклопедии философских наук») разработка этих немаловажных проблем и составила весомый вклад Э. В. Ильенкова в отечественную и мировую философскую культуру, ибо тем самым он продолжил в этом необходимом моменте метода, включающем в себя два других его необходимых момента (*рассудочный* и *положительно-разумный*) логическое дело философии, начатое Гегелем в результате всего ее исторического развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильенков и Гегель. Ильенковские чтения-2007. Материалы IX междунар. науч. конф. (26–27 апреля 2007 г.) / отв. ред. проф. Г. В. Лобастов. — Ростов-на-Дону, 2007.

2. Ильенков Э. В. К вопросу о понятии // Ильенков Э. От абстрактного к конкретному. Крутой маршрут. 1950–1960 / авт.-сост. Е. Иллеш. — М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2017. — С. 208–223.

3. Ильенков Э. В. Развитие Марксом учения о методе научного познания в работе «Введение к критике политической экономии» (1857 г.). Автореферат кандидатской диссертации // Ильенков Э. От абстрактного к конкретному. Крутой маршрут. 1950–1960 / авт.-сост. Е. Иллеш. — М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2017. — С. 224–241.

4. Ильенков Э. В. Тезисы к вопросу о взаимосвязи философии и знаний о природе и обществе в процессе их исторического развития (в соавторстве с В. И. Коровиковым) // Ильенков Э. В. Абстрактное и конкретное: Собр. соч. Т. 1. — М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2019. — С. 354–363.

5. Ильенков Э. В. Философская тетрадь (Семинар «Диалектика в “Капитале”») // Ильенков Э. От абстрактного к конкретному. Крутой маршрут. 1950–1960 / авт.-сост. Е. Иллеш. — М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2017. — С. 273–306.

6. Ильенков Э. В. Г. В. Ф. Гегель. «Философия духа» // Ильенков Э. От абстрактного к конкретному. Крутой маршрут. 1950–1960 / авт.-сост. Е. Иллеш. — М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2017. — С. 306–332.

7. Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении // Ильенков Э. В. Абстрактное и конкретное: Собр. соч. Т. 1. — М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2019. — С. 23–353.

8. Лекторский В. А. Классик отечественной философии // Ильенков Э. В. Абстрактное и конкретное: Собр. соч. Т. 1. — М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2019. — С. 7–24.